

Киянская О.И. К истории восстания Черниговского пехотного полка
// Отечественная история. 1995. №6. С.21-33.

OCR, корректура: Бахурин Юрий (a.k.a. Sonnenmensch), e-mail: georgi21@inbox.ru

Размышляя над биографией подполковника С.И. Муравьева-Апостола, один из первых историков декабризма М.Ф. Шугуров писал о «тайне обаятельного действия» личности этого человека на современников и потомков{1}. Фразу эту можно распространить и на все движение декабристов в целом: более полутора веков не ослабевает интерес исследователей и читателей к романтической эпохе 20-х гг. XIX в., к деятелям тайных обществ. Интерес этот вполне объясним: неизменно «суровая» российская действительность заставляет искать идеалы в прошлом. В том времени, когда, по преданию, «помыслы были чисты», и молодые русские дворяне, люди в большинстве своем вполне благополучные и обеспеченные, ставили на карту не только карьеру, но и жизнь для того, чтобы искоренить царящую в обществе несправедливость.

Вполне естественно, что декабризм вообще и восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 – 3 января 1826 г.) в частности изучены достаточно полно. Начиная с 1870 г., когда в российской печати впервые появились мемуары одного из мятежных офицеров, барона В.Н. Соловьева{2}, систематически издаются документальные материалы, посвященные восстанию на юге страны. Через год после выхода воспоминаний В.Н. Соловьева М.Ф. Шугуров опубликовал серию официальных документов о восстании Черниговского полка и о мерах по его ликвидации; вторая часть этих бумаг увидела свет в 1902 г.{3} Изучение истории этого восстания началось сразу же после появления документальных публикаций. В этой области первенство принадлежит М. Балласу, написавшему в 1873 г. биографический очерк, посвященный лидеру черниговцев подполковнику С.И. Муравьеву-Апостолу{4}. Небольшая статья М.Ф. Шугурова «О бунте Черниговского полка» стала своеобразным комментарием к подготовленной им публикации архивных документов. Однако ни М. Баллас, ни М.Ф. Шугуров, ни другие дореволюционные историки не смогли в своих статьях нарисовать полную картину восстания; они ограничивались чаще всего либо анализом частных фактов{5}, либо самыми общими рассуждениями. Ситуация эта в корне изменилась после Октября 1917 г.: деятели революции не без оснований именно от декабристов вели свою «торжественную генеалогию», и изучение этого движения фактически приобрело статус общегосударственной задачи.

В 1925 г. была опубликована одна из первых работ М.В. Нечкиной – статья о восстании Черниговского полка{6}, в которой впервые была воссоздана общая его картина, определена точная схема движения восставших рот. Спустя четыре года Ю.Г. Оксман выпустил в свет шестой том многотомного издания «Восстание декабристов», целиком посвященный южному мятежу{7}. Документальной части этого тома было предпослано обширное историографическое исследование, практически полностью сохранившее свою научную ценность вплоть до наших дней. В 20-х гг. активно издавались и переиздавались и источники мемуарного характера: «Записки» И.И. Горбачевского{8}, воспоминания И. Руликовского{9} и ряд других, менее значимых для истории восстания Черниговского полка свидетельств современников.

Большой вклад в изучение этого восстания внес И.В. Порох, резонно рассматривавший его как закономерный итог деятельности Васильковской управы Южного общества{10}. Научно-публицистическую биографию С.И. Муравьева-Апостола написал Н.Я. Эйдельман{11}. Даже простое перечисление всех работ о мятежных черниговцах может занять несколько страниц.

Однако постепенно в советском декабристоведении сложилась парадоксальная ситуация: большое количество документов, как опубликованных, так и хорошо известных архивистам, оказалось выключенным из научного оборота, материалы эти не учитывались при написании статей и монографий. Традиционное для русских историков восхищение декабризмом стало сочетаться с четко оформленным социальным заказом. В результате тщательно обходились стороной известные еще М.Ф. Шугурову данные о бесчинствах солдат в дни восстания, о нравственном падении офицеров, не сумевших удержать в полку дисциплину и вынужденных потакать своим подчиненным. Следуя политической конъюнктуре, советские ученые были вынуждены «забывать» о давно опубликованных фактах, доказывать, что «правительство распускало клеветническую легенду о неистовствах " черниговцев во время восстания ». И убеждать себя и читателей, что «большинство источников, в том числе и официальных, наоборот, отмечают строгую дисциплину в революционных ротах Черниговского полка»{12}.

Между тем факты упрямая вещь .Они заставляют четко разграничить политические и нравственно-философские идеи, которыми жила в то время русская интеллигенция, и само революционное действие результат воплощения этих идей в жизнь .Принципы бескровного переворота а la Риго, которых придерживались декабристы, не выдержали проверку практикой это стало ясно в первые же моменты мятежа .Как известно ,южная трагедия началась в деревне Трилеса Васильковского уезда Киевской губернии. И первым ее актом стало нападение младших офицеров на командира полка подполковника Густава Гебеля и освобождение ими из-под ареста лидера тайного общества Сергея Муравьева-Апостола и его брата, Матвея. «Штабс-капитан барон Соловьев, поручики Кузьмин, Щепилло и Сухинов зачали спрашивать меня, за что Муравьевы арестуются, показывал на следствии Густав Гебель, когда же я им объявил ,что это знать ,гг . (господа . О К .)не ваше дело и я даже сам того не знаю, то из них Щепилло, закричав на меня: ты , варвар , хочешь погубить Муравьева", схватил у караульных ружье и пробили мне грудь штыком, а остальные трое взяли также за ружья <...> Все четверо офицеры бросились колоть меня штыками, я же, обороняясь сколько было сил и возможности, выскочил из кухни на двор, но был настигнут ими и Муравьевыми <...> Тут старший Муравьев{*} нанес мне сильную рану в живот, также и прочие кололи, но я, как-то и здесь от них вырвавшись, бежал»{13}. Показания эти абсолютно точны: они подтверждаются большинством имеющихся в распоряжении историков документов.

Видимо, не во всем согласны с действиями офицеров были наблюдавшие эту кровавую сцену солдаты. Во всяком случае, привычный тезис о ненависти рядовых к тирану-командиру как об одной из причин восстания документами не подтверждается. И официальные, и неофициальные свидетельства тех дней сходятся в одном: солдаты не помогали своим «любимым» офицерам избивать ненавистного Гебеля», они «остались также посторонними тут зрителями»{14}. Более того, рядовой 5-й роты Максим Иванов спас Гебеля от верной смерти, вывезя его, несмотря на угрозы мятежных офицеров, из Трилес.

Впрочем, это первое «недоразумение» между рядовыми и их начальниками быстро улаживается. Батальонный командир Сергей Муравьев-Апостол и командир роты поручик Анастасий Кузьмин без труда уговаривают солдат следовать за собой. Подчиняясь дисциплине, солдаты идут в г. Васильков на соединение с другими ротами. Все исследователи, занимавшиеся историей этого восстания, сходятся в том, что кульминацией его был молебен на площади Василькова 31 декабря 1825 г. По -22- приказу лидера восстания полковой священник читал солдатам «Православный катехизис» совместное сочинение самого Сергея Муравьева-Апостола и его друга подпоручика Михаила Бестужева-Рюмина.

«Во втором часу зимнего дня на городской площади был провозглашен единым царем Вселенной Иисус Христос», писал П.Е. Щеголев, буквально зачарованный этим документом{15}. Развивая щеголевские идеи в соответствии с собственной философской концепцией, Д.С. Мережковский считал «Катехизис» попыткой обосновать установление нового религиозно-нравственного порядка, «абсолютно противоположного всякому порядку государственному», провозгласить наступление «Царства Божия на Земле»{16}. Отсюда всего лишь шаг до красивой, но абсолютно неправдоподобной концепции Н.Я. Эйдельмана, соотнесшего фразу «Катехизиса» о «глаголящем во имя Господне», за которым должно последовать «русское воинство»{17}, с личностью самого лидера черниговцев. Агитационный текст оказался под пером Н.Я. Эйдельмана чуть ли не «Откровением» «Апостола Сергея»{18}.

«Катехизис Муравьева не был хитрой революционной уловкой, революционным обманом», утверждал Г.В. Вернадский в статье «Два лика декабристов»{19}. Конечно, этот документ не был обманом в бытовом смысле слова: Муравьев был глубоко верующим человеком и много размышлял о соотношении революции и религии. Однако вряд ли «Катехизис» мог преследовать цель изложить итоги этих размышлений восставшим солдатам. Доказывая на примере библейских текстов, что цари «прокляты яко притеснители народа»{20}, С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин опирались в основном на 8-ю главу Первой Книги Царств, в которой повествуется о гневе Господа на израильтян, просящих у него царя. Священное Писание цитировалось весьма свободно: из текста выбрасывались «лишние», не соответствовавшие позиции авторов слова. Не упоминалось и о том, что, согласно библейскому рассказу, Господь в конце концов все же избирает в цари крестьянина Саула, а пророк Самуил помазывает его на царство. Вырывая из контекста Священного Писания подходящий сюжет, авторы не могли не знать убийственных для себя слов апостола Павла: «нет власти не от Бога <...> противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13. 1, 2; ср.: 1 Петр. 2. 13-17). Знали, но все же «редактировали» священный текст, ставя перед собой вполне прагматическую задачу: привлечь на свою сторону религиозные чувства солдат, опровергнуть утверждение, что «вера противна свободе». Солдата надо было сделать союзником, не вступая при этом в теологические споры с ним.

Но даже и такой весьма скромной цели сочинение Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина не достигло. «Когда читали солдатам Катехизис», я слышал, но содержания оно не упомяну. Нижние чины едва ли могли слышать читанное», показывал на следствии разжалованный из офицеров солдат Игнатий Ракуза{21}. Случайный свидетель момента отмечал, что «один из нижних чинов спрашивал у него, кому они присягают, но, видя, что

нижний чин пьян, он (свидетель. О К.) <...> удалился, а солдат, ходя, кричал: теперь вольность"»{22}. Своеобразной была и реакция на «Катехизис» местных крестьян. «При выходе из церкви, он (С. Муравьев. О К.) им неоднократно читал упомянутые катехизисы < ... > на что жители ему отвечали: Мы ничего не знаем, нам ничего не нужно"», доносил один из правительственных агентов{23}.

Муравьев-Апостол ошибался, думая, что он способен воодушевить своих солдат «Словом Божьим». Однако, по всей видимости, он не исключал, что «Катехизис» может и не сыграть отведенной ему роли. Известно, что об этом его предупреждал старший брат, Матвей, считавший этот документ «ребячеством»{24}. Поэтому наряду с религиозной проповедью было пущено в ход и другое средство агитации, гораздо более действенное – прямая ложь. Уговаривая солдат и колеблющихся офицеров примкнуть к мятежу, Сергей Муравьев-Апостол уверял их, что «корпусного командира закололи, а дивизионного начальника заковали уже в кандалы», и что сам он официально -23- назначен полковым командиром вместо Гебеля. Своего младшего брата, Ипполита, прапорщика квартирмейстерской части, случайно оказавшегося под рукой в момент восстания, он постарался представить курьером цесаревича Константина, привезшим приказ, «чтобы Муравьев прибыл с полком в Варшаву»{26}. Матвей Муравьев-Апостол, подтверждая множество других показаний, признавал: «Во время мятежа говорили солдатам, что вся 8-я дивизия восстала, гусарские полки и проч., что все сии полки требуют великого князя цесаревича, что они ему присягали вот главная причина мятежа Черниговского полка»{27}. Иван же Сухинов вспоминал на следствии о том, как братья Муравьевы читали и переводили с французского языка некое письмо, сообщавшее, «что в столице вся армия в действии»{28}. Даже за несколько часов до разгрома восстания, узнав о приближении правительственных войск, Сергей Муравьев-Апостол, по словам очевидцев, убеждал подчиненных, что войска эти «следовали к ним для присоединения»{29}.

Как известно, поднимая солдат на восстание, декабристы и в Петербурге, и в Василькове действовали «от имени» великого князя Константина Павловича. «Константиновская легенда» как составная часть выступлений декабристов неоднократно становилась предметом рассмотрения исследователей{30}. При этом никто из них не отрицал тот факт, что, подлаживаясь под наивную крестьянскую веру в «хорошего» царя, декабристы шли против своей совести. Еще за несколько дней до восстания Сергей Муравьев-Апостол просил членов Польского патриотического общества убить цесаревича. Однако члены тайных обществ понимали и то, что без монархических верований не обходилось ни одно крестьянское движение в России. Отцы декабристов были свидетелями Пугачевского бунта, предводитель которого прямо объявлял себя императором и раздавал чины и титулы своим сподвижникам. Опираясь на этот пласт народного мировоззрения было легче, чем объяснять солдату непонятную для него цель «представительного правления». Не требовала специальных разъяснений и предпринимавшаяся мятежными офицерами раздача денег рядовым участникам мятежа.

«Финансовый вопрос» волновал декабристов задолго до восстания. Для революции нужны были средства, и предприимчивый Михаил Орлов предлагал завести станок для изготовления фальшивых денег; идея это была с негодованием отвергнута. Не меньшее негодование вызвало и предложение Бестужева-Рюмина воспользоваться артельными

ящиками полков. «Я чужой собственности не касался и не коснусь», заявил командир Полтавского полка В.К. Тизенгаузен{31}. Зная принципы Сергея Муравьева-Апостола, можно с уверенностью сказать, что он был не с теми, кто во имя «высшей цели» готов был стать фальшивомонетчиком. Можно полагать, что точка зрения Тизенгаузена была ему ближе, чем мнение лучшего друга Бестужева Рюмина.

Однако вопреки собственным принципам в предпоследний день 1825 г. подполковник отдал приказ о захвате артельного ящика Черниговского полка. Он был вскрыт, и там оказалось около 10 тыс. руб. ассигнациями и 17 руб. серебром{32}. Эта сумма была немалой. Но на длительный поход ее все равно не хватило бы. И лидер мятежа стал лихорадочно изыскивать дополнительные средства. Это оказалось делом нелегким: добровольно Муравьеву никто давать не хотел (отказом ответил, например, Иосиф Руликовский, владелец деревни Мотовиловка, через которую проходил Черниговский полк), отбирать же силой не позволяла совесть. Однако через совесть подполковнику пришлось переступить.

Самым простым способом пополнения казны казалась продажа полкового провианта, на что Муравьев-Апостол как командир батальона, естественно, никакого права не имел. Васильковский купец-еврей Аврум Лейб Эппельбойм, отвечавший за полковое продовольствие, ссылаясь на отсутствие наличности, сначала не соглашался выдать вместо провианта деньги. И его силой привели к подполковнику, который «грозил ему, Авруму Лейбе, не шутить с ним». Бывший при разговоре поручик Щепилло присовокупил, что купец «будет застрелен, естли не даст денег». Перепуганный Эппельбойм достал 250 руб. серебром (около 1000 -24- руб. асс), одолжив их в местной питейной конторе{33}. Часть этих денег обнаружили позже при обыске среди вещей Сергея Муравьева, которому пришлось давать по этому поводу унижительные объяснения на следствии{34}.

От тысячи до полутора тысяч рублей (по разным свидетельствам) принес Муравьеву 30 декабря прапорщик Александр Мозалевский, командир караула на Васильковской заставе. Деньги эти были отобраны у пытавшихся въехать в город жандармов{35}. Основную «статью расхода» добытых средств можно определить одним словом подкуп. Уже 29 декабря унтер-офицер Григорьев получил от своего батальонного командира 25 руб. за помощь в побеге из-под ареста{36}. И если раньше, до восстания, раздача денег солдатам могла быть оправдана желанием облегчить их участь, то теперь речь могла идти только о покупке их лояльности. Солдаты брали деньги очень охотно.

Именно на эти цели ушли все «экспроприированные» у жандармов суммы. С. Муравьев-Апостол признал позже, что сразу отдал их «для раздачи в роты»{37}. 25 руб. он дал 1-й гренадерской роте, однако то ли сумма оказалась мала, то ли хорошо исполнял свой долг командир гренадеров капитан Козлов, но рота, взяв деньги, за Муравьевым не пошла{38}. 150 руб. получили от него нижние чины 2-й гренадерской роты{39}; 200 руб. пришлось выплатить полковому священнику перед молебном 31 декабря, иначе он не соглашался читать перед полком «Православный катехизис»{40}. Раздавали солдатам деньги и другие офицеры: поручики Петин и Кузьмин, прапорщик Мозалевский.

Анализ фактов подкупа солдат позволяет понять и необъяснимую с точки зрения обычных возвышенно-героических представлений о восстании на юге страны фразу из рапорта подполковника Де-Юнкера своему шефу, генерал-лейтенанту Гогелю: солдаты «в м. Василькове просили позволения пограбить, но подполковник (С. Муравьев-Апостол. О К.) оное запретил»{41}. Очевидно, запрет этот оказался неожиданностью для солдат. После

полученных «подарков» подполковника наверняка стали считать «своим»; во всяком случае, уже 30 декабря рядовые свободно приходили на квартиру к Муравьеву «в пьяном виде и в большом беспорядке»{42}.

Можно много спорить об источниках финансирования восстания, о количестве розданных солдатам денег и о степени достоверности сведений о присоединении других полков. Несомненно одно: для того, чтобы Сергей Муравьев-Апостол, сын сенатора и потомок украинского гетмана, человек кристальной репутации, решился на подкуп и обман, нужны были особые обстоятельства. Причем обстоятельства эти должны были поломать не только привычный строй жизни, но и всю систему ценностей русского дворянина начала XIX в., которые до восстания, безусловно, были определяющими как для самого С. Муравьева-Апостола, так и для других офицеров-черниговцев.

Рискну утверждать: такой слом произошел, когда романтические представления о революции как о военном перевороте «без малейшего кровопролития»{43} столкнулись с жестокой реальностью мятежа. Мечты о благородной «кончине за народ», надежды на то, что в этом случае мир обязательно «поймет, кого лишился он», в действительности обернулись чуждым всякого романтизма насилием, погромами, грабежами. С. Муравьев-Апостол, как и его офицеры, оказался совершенно не готовым к этой новой ситуации и вынужден был принять чуждые ему правила игры.

* * *

Проблема взаимоотношений декабристов и народа одна из самых сложных в декабристоведении. Лейтмотивом практически всех рассуждений на эту тему является известная ленинская формулировка «страшно далеки они от народа» фраза эта, надо признать, является абсолютно справедливой. -25-

Декабристы действительно не желали привлекать народ к участию в перевороте боялись «ужасов», сопровождавших Французскую революцию. Даже в самые критические минуты, когда решалась судьба восстания, Муравьев-Апостол не захотел призвать к себе на помощь крепостных жестокой помещицы Браницкой; не сумел он воспользоваться и явной симпатией к себе мотовиловских крестьян. «Хотел этого Муравьев или нет, но восстание, на которое он шел, помимо воли его руководителей, начинало перерастать именно в ту форму, которой декабристы боялись: оно апеллировало к активной форме сочувствия народа, иначе теряло смысл», утверждала признанный знаток этой темы советский историк М В. Нечкина{44}.

Однако в нравственном падении черниговских офицеров была некая грань, черта, которую они переступить не могли. Для петербургских заговорщиков народный бунт был, хотя и страшной, но теоретической, умозрительной возможностью. Участники же южного мятежа смогли увидеть воочию, на что способна вооруженная крестьянская толпа, в которую превратился Черниговский полк за три дня похода. Взять на себя еще и роль лидера местной «черни» значило для Муравьева-Апостола стать сознательным организатором «буйства и грабительства» в масштабе целого края, а в случае удачи и всей страны. Сомнительной славе «нового Пугачева» Муравьев предпочел «потерю смысла» восстания, разгром полка и в конечном счете собственную гибель.

Судьба двух нижних чинов Черниговского полка унтер-офицеров Прокофия Никитина и Тимофея Николаева хорошая иллюстрация к теме «декабристы и народ».

Оба эти унтер-офицера состояли во 2-й гренадерской роте. Ротой командовал 24-летний поручик Василий Петин. В заговоре Петин не состоял, к тому же, он совсем недавно принял роту от уехавшего в отпуск штабс-капитана Глушкова. Очевидно, подполковник Сергей Муравьев-Апостол не надеялся на его сочувствие восстанию, поэтому заранее пытался завязать дружеские, доверительные отношения с солдатами. Ему это удалось: в дни мятежа 2-я гренадерская рота самая активная. 3 января 1826 г., при встрече с правительственными войсками, она (правда, уже без своего командира) во главе полковой колонны. Николаев и Никитин те, на кого Муравьев-Апостол, начиная «дело», рассчитывал в первую очередь. «Мог я заметить, что 2-й гренадерской роты унтер-офицер Никитин был фаворит Муравьева», показывал на следствии рядовой Дмитрий Грохольский {45}. А поручик Петин утверждал, что прибывший «для возмущения» роты батальонный командир «целовал и обнадеживал унтер-офицера Николаева»{46}.

Подполковник в своих расчетах не ошибался: Николаев и Никитин пользовались уважением рядовых, солдаты за ними пошли. Часть роты не успела к общему построению и выходу из ротной квартиры, и отставшие догоняют полк во главе с Прокофием Никитиным{47}. Тимофей Николаев же вместе с другими «доверенными» солдатами участвует в захвате полковых знамен и артельной кассы в доме командира полка{48}. Серьезное поручение подполковника унтер-офицеры выполняют 31 декабря. Вместе с полковым квартирмейстером Антоном Войниловичем они отправляются в самые «ненадежные» роты 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую с приказом о присоединении к восстанию. Кроме того, ротам велено словесно объявить, «что <...> его императорское высочество цесаревич Константин Павлович никогда от престола не отрекался, а письма о сем предмете фальшивые»{49}. Подпоручик Войнилович тоже не состоит в тайном обществе, как и Петин, он напуган и ищет случая «уклониться» от мятежа. Это его настроение известно Муравьеву-Апостолу, и Николаев с Никитиным (согласно показаниям подпоручика) получают приказ, «буде бы он вздумал ехать в другое какое-либо место, а не туда, куда было приказано, лишить его жизни»{50}.

С поручением Войнилович справился лишь частично: роты дождались Муравьева-Апостола в деревне Мотовиловке, но 1-я гренадерская не примкнула к восстанию -26-, а 1-я мушкетерская разделилась: часть пошла с полком, часть вернулась на свои квартиры. Войнилович же под конвоем унтер-офицеров возвратился к восставшим. На следующий день, 1 января, Николаев и Никитин снова в поле зрения командира. Радужный хозяин деревни Мотовиловки Иосиф Руликовский страдает от назойливости пьяных солдат, вымогающих у него деньги и водку{51}. Он просит защиты у Муравьева-Апостола, тот опять вызывает верных унтеров. «Слушай, Никитин, я на тебя полагаюсь, как на самого себя, что ты не позволишь солдатам обидеть этого пана», говорит он. Николаев и Никитин становятся в караул у дверей дома и выгоняют вымогателей. Руликовский успокаивается{52}. Однако верность Муравьеву-Апостолу унтер-офицеры сохраняют до тех пор, пока чувствуют над собой его непосредственную власть. Когда же эта власть ослабевает, долго копившаяся в них энергия разрушения вырывается наружу.

В суеде приготовлений к походу Муравьев-Апостол, покидая Мотовиловку, забывает снять караулы. И первое, что делают Николаев и Никитин, оставшись одни, бросают пост и

заходят в соседний дом, где у «еврейки Гнеи Мордковой» насильно забирают вещи ее мужа{53}. После посещения еврейской хаты нижние чины на лошадях Руликовского отправляются в Фастов. По пути они напильсь водки и «напоили возчика так, что лошади сами доставили его в Мотовиловку»{54}. В Фастове сначала мелкие кражи и грубости местным жителям, потом разбойное нападение на дом местного арендатора («посессора») Ольшевского.

Последний эпизод получил широкую огласку и был позднее специально расследован властями очевидно, потому, что на пути унтер-офицеров оказалось «официальное лицо» майор местной фурашатской команды. Рапорт майора Тимофеева, равно далекого и от мятежников, и от их идейных противников, безыскусен и правдив; он подтверждается многими документами: «2-го числа сего месяца приезжали из числа бунтовавших рот Черниговского пехотного полка в местечко Фастов 2-ой гренадерской роты унтер-офицеры Тимофей Николаев и Прокофий Никитин <...> и при них рядовые 5-ой мушкетерской роты <...> Поясненные чины прибыли в дом посессора Ольшевского, в коем только находилась онога посессора мать, обремененная старостью лет, и по прибытию в дом рядовые, взявши ружья, оставались с подводами на дворе, а унтер-офицеры, также с ружьями, Николаев стоял у дверей, а Никитин взошел в покой, требовал от хозяйки дома на каждого человека по рублю серебром и, взломавши сундук, выкидывал из онога платья, в каковом состоянии застан мною с бывшими при мне гг. офицерами...» Тимофеев и его офицеры без труда обезоружили и связали пьяных черниговцев и отправили их «за надлежащим караулом» в Белую Церковь, в штаб дивизии{55}.

Поведение солдат мятежных рот в общем не отличается от поведения Николаева и Никитина. Первоначально многие из них шли за Муравьевым-Апостолом, подчиняясь приказу. Не все понимали даже, что идут «бунтовать»{56}. Солдаты любили его и, конечно, верили, что ни на что плохое он их не поведет. Но потом, увидев, что офицеры ведут себя необычно, заметив отсутствие командира полка, услышав слова о вольности и о «незаконном» вступлении на престол Николая Павловича, они почувствовали, что могут пренебречь дисциплиной.

Летом 1827 г., ровно через год после казни Сергея Муравьева-Апостола, в Василькове столице южного восстания началось новое следствие Речь шла «об убытках нанесенных жителям возмущением Черниговского полка». Первоначально жителей опрашивал киевский гражданский губернатор Ковалев, но в Петербурге нашли, что тот вел дело необъективно: определил слишком большие убытки. По городу Василькову они составили 3397 руб. 33 коп. асс, по уезду 19 221 руб . асс . и 123 руб . 39 коп . серебром {57}. Сумма по тем временам немалая, с Муравьева-Апостола взыскать что-либо было уже невозможно, и Петербург, прежде чем выплатить деньги из государственной казны, предпочел все перепроверить. Поручили это П.Ф. Желтухину, военному генерал-губернатору Киева. Посланник Желтухина подполковник Панков совместно с городскими властями -27- Василькова составил подробнейшие, до копеек, ведомости убытков, тщательно сверив их с данными Ковалева. Ведомости эти частично опубликованы и проанализированы{58}. Так, опубликован рапорт Панкова Желтухину о том, что «к открытию настоящей истины в понесенных жителями убытках за давно прошедшим временем нет никакой возможности»{59}. Однако, несмотря на неточность и неполноту, сведения, собранные

Панковым, оказались более красноречивы, чем факты, содержащиеся в мемуарной литературе.

Из ведомостей Панкова видно, что больше всего привлекали солдат спиртные напитки. Мотовиловский еврей, владелец трактира Иось Бродский заявил, например, об украденных у него 360 ведрах водки. Панков сначала не поверил ему, но нашлись свидетели, подтвердившие, что «водки и прочих питий действительно в указанном количестве вышло потому, что солдаты не столько оных выпили, сколько разлили на пол»{60}. Подсчитывали количество выпитого солдатами Мотовиловская и Белоцерковская экономии, Васильковский питейный откуп, Устимовский, Ковалевский, Пологовский, Мытницкий, Сидорианский питейные дома. Кроме того, практически у каждого второго из поименованных в ведомостях крестьян после ухода полка не оказалось в хозяйстве одного-двух ведер водки. Вообще, повальное пьянство бич южного восстания. В том, что солдаты на протяжении всего похода были в нетрезвом виде, сходятся многие источники: об этом доносит васильковский поветовый стряпчий, рассказывают правительственные агенты, рапортуют генералы командиры корпусов, показывают на допросах арестованные офицеры черниговцы, вспоминает Иосиф Руликовский{61}. Среди «противозаконных поступков», в которых уличены солдаты, пьяные драки на одном из первых мест. Рядовой 2-й мушкетерской роты Исай Рубцов, например, обвинялся в том, что «по показанию унтер-офицера Ляшковского и фельдфебеля Полякова (...) делал грубости и ругательства и ударил из них Ляшковского по щеке <...> Но Рубцов, хотя прямо в том не сознался, однако говорит, что, может, его и ударил, но, как был очень пьян, то совершенно не помнит»{62}. Аналогичные обвинения предъявлялись рядовым Михаилу Башкину, Яну Матвееву, Фоме Лапину и многим другим.

Унтер-офицер 5-й мушкетерской роты Спиридон Пучков, тоже, кстати, любимец Муравьева, «в сердцах» тяжело ранил денщика подпоручика Войниловича, и эпизод этот сыграл не последнюю роль в окончательном решении Войниловича «отстать» от полка{63}. Естественным спутником пьянства были во время похода грабежи. В ведомостях Ковалева и Панкова поражает еще одна деталь: грабежу подверглись не только питейные дома, не только богатые арендаторы, но и беднейшие из беднейших, те, кого, по логике вещей, восставшие солдаты призваны были защищать. У «вдовы Дорошихи», например, украли «кожух старый», оцененный Панковым в 4 руб. асе, на такую же сумму понес убытков житель Василькова Степан Терновой. Солдаты Юрий Ян, Исай Жилкин и Михаил Степанов обвинялись в том, что «в селе Мотовиловке отбили у крестьянина камору и забрали <...> вещей на 21 рубль». Отдельные вещи потом были найдены у них после усмирения восстания, другие оказались «на дворе под артельными повозками спрятанные». В списках «заграбленных» вещей бесконечные перечисления сапог, шапок, холстов, скатертей, юбок, рубах, наволочек, чулок, икон{64}.

Несмотря на тщательное расследование, установить всех виновников грабежей и разбоев так и не удалось. Жители не могли на следствии подробно описать тех, кто нападал на них, «по той причине, что некоторые поудалялись в то время из домов, а некоторые, хотя и были в домах, но оных, как набегавших <...> по десяти и двадцати человек вдруг с заряженными ружьями и примкнутыми штыками при угрожении стрелять и колоть, от испугу заметить не могли»{65}.

Конечно, движение большой воинской части почти всегда сопряжено с определенными

нарушениями дисциплины. Однако авторитет офицера важный фактор, призванный противостоять этому. От «бесчинств» солдат удерживает и страх перед неизбежным наказанием. В ходе восстания Черниговского полка оба эти сдерживающих механизма были разрушены. -28-

В первые три дня восстания подобие дисциплины в полку все же сохранялось. 30 декабря в Василькове «усилены были караулы у острога и казначейства; наряжен сберегательный караул к дому, занимаемому Гебелем; отдан был приказ на всех заставах никого не впускать в город и не выпускать из него без ведома и разрешения брата», вспоминает Матвей Муравьев-Апостол{66}. Ему вторит Иван Горбачевский: «При самом начале один рядовой, сорвавший платок с головы женщины, провожавшей его как доброго постояльца, был немедленно строго наказан при всех его товарищах. Войнилович по распоряжению С. Муравьева, приближаясь к каждой корчме, посылал туда унтер-офицера и двух рядовых с строгим приказанием ставить у дверей корчмы часовых и никого не впускать в оную»{67}. Хотя последняя мера вряд ли была эффективной, все же очевидно, что офицеры пытались противостоять стихии солдатского бунта, направить ее в цивилизованное, управляемое русло.

Однако уже 1 января в Мотовиловке стало ясно, что все усилия тщетны. Несмотря на уговоры С. Муравьева-Апостола, две роты отказались присоединиться к мятежу и были отпущены на свои квартиры. Вдруг выяснилось, что командира можно послушаться и избежать при этом наказания. «Муравьев, собравши унтер-офицеров, приказал им расстановиться, но сии отказались, говоря при том, к чему сия цель будет служить, ибо они в своих пределах никакой опасности не предвидят»{68}. Видимо, одной из главных причин этой странной дневки (в результате которой восставшие упустили инициативу, чем, по сути, ускорили собственный разгром) и явилось нежелание нижних чинов «расстановиться», т. е. продолжить поход, подчинившись приказам своих начальников.

Уважение солдат к командирам резко упало. Они «силой забирали все, что было приготовлено для офицеров и унтер-офицеров, приговаривая: офицер не умрет с голоду, а где поживиться без денег бедному солдату!». По свидетельству Руликовского, только через два часа после приказа о выступлении из Мотовиловки с большим трудом удалось построить мятежные роты{69}.

Лидер восстания должен был с этим смириться, потому что попал в полную и безусловную зависимость от нижних чинов. «Проходя Ковалевкой, солдаты припомнили, что благодаря местному еврею-арендатору они были наказаны, т. к. причинили ему какую-то обиду. Поэтому, остановившись на короткое время, они сильно побили арендатора за то, что он на них когда-то пожаловался. Хотя это стало известно Муравьеву, он должен был им потакать, чтобы не утратить привязанность солдат, и двинулся дальше, как будто ничего не знал», вспоминает владелец Мотовиловки {70}. «Он С. Муравьев Апостол. О К. не мог повелевать своими движениями, ибо власть, не основанная на законах, не дает продолжительной и постоянной силы над людьми», именно в этом видит основную причину поражения мятежа военный историк А.И. Михайловский-Данилевский{71}.

2 января в полку началось массовое дезертирство. От Муравьева-Апостола уходят не только солдаты, но и офицеры те, которые не были членами тайного общества. 3 января

дезертирство еще более усиливается{72}. И.И. Горбачевский свидетельствует: «Некоторые солдаты притворялись пьяными с намерением отстать от полка»{73}. И если раньше поручик Сухинов пытался восстановить боевой дух, угрожая расправой желавшим покинуть полк, то в эти дни даже он опускает руки.

Позже исследователи будут недоумевать: 3 января 1826 г. предупрежденный о появлении правительственного отряда С. Муравьев-Апостол не захотел попытаться обойти его деревнями, а несмотря на уговоры младших офицеров, повел солдат степью, и в результате полк был расстрелян картечью в упор. Мемуарист И. Горбачевский, впервые задавшийся этим вопросом, утверждает, что, пойдя деревнями, Муравьев «мог защищаться от гусар стрелками, тем более, что тогда артиллерия не вредила бы ему картечью, и, может быть, Гейсмар (генерал, командир правительственного отряда. О К.) не решился бы сжечь селения»{74}.

Отчасти действия Муравьева-Апостола были вызваны известной надежной на «своих», которые стрелять не будут: в отряде Гейсмара было несколько членов -29- тайного общества. Но, видимо, главная причина все же в другом: если даже мемуарист, не являвшийся участником событий, не уверен, что деревни не были бы сожжены, то еще менее мог быть уверен в этом сам лидер мятежников.

Против мирного исхода событий говорили примеры из недавней истории. Наполеон для умирения мятежа в Париже использовал пушки в городских кварталах и 4 октября 1795 г. завалил трупами паперть церкви св. Роха. По его стопам пошел и Николай I: 14 декабря 1825 г. была применена артиллерия, и погибли мирные жители. Поставленный перед выбором: спасти то., что осталось от полка, или не подвергать опасности жизни ни в чем не повинных крестьян, Сергей Муравьев-Апостол, очевидно, сознательно выбрал второе, не оставив себе шансов на победу.

Впрочем, победа восставших была невозможна даже теоретически. Осмотр конфискованных солдатских ружей показал, что большая часть их «были не заряжены и имели деревянные кремни»{75}. Видевший девять черниговских «карабинов» Руликовский подтверждает: «некоторые из них не имели кремневых курков, а лишь деревянные. А два из них были заряжены очень странным образом: один был заряжен наоборот пулей внизу, а порохом сверху, а другой вместо заряда имел кусок сальной свечки»{76}. С. Муравьев-Апостол говорил на следствии, что, увидев посланный против него отряд, «приказал солдатам не стрелять, а идти прямо на пушки»{77}. Очевидно, с тем же результатом он мог отдать и прямо противоположный приказ стрелять было просто нечем. «Все это могло произойти от неумеренного употребления водки, выпитой в Мотовиловке», справедливо утверждает Руликовский{78}.

Известно, что поведение народа во время бунта одинаково практически всегда независимо от того, когда и в какой стране этот бунт происходит. Поведение это подчиняется хорошо известному психологам и историкам закону «короткой мотивации»: «Мотивы выступления, последующие цели определялись ближайшим будущим. В случае очевидного неуспеха это приводило к резкому снижению их (народных масс. О К.) активности и решимости, подавляло само желание продолжать борьбу»{79}. Одним из результатов этого была выдача мятежниками своих предводителей карательным отрядам. Степана Разина,

например, выдали «домовитые» казаки, жертвой заговора собственных бывших сторонников пал Емельян Пугачев. Нечто подобное произошло и 3 января 1826 г.

«Раненный в голову картечью, Сергей Муравьев схватил было брошенное знамя, но, заметив приближение к себе гусарского унтер-офицера, бросился к своей лошади, которую держал под уздцы пехотинец. Последний, вонзив штык в брюхо лошади, проговорил: вы нам наварили каши, кушайте с нами"», сообщал в Петербург один из военных следователей, граф Георгий Ностиц. Фамилия рядового была Буланов, он числился в 1-й мушкетерской роте. Ударил же он штыком лошадь командира, решив, что тот хочет ускакать, скрыться от ответственности. «Нет, ваше высокоблагородие, и так мы заведены вами в несчастье», такими, по другим источникам, были слова Буланова{80}.

Еще 1 января в Мотовиловке нижние чины в принципе готовы были «в случае чего самим его, Муравьева, схватить»{81}. Через два дня такой случай представился. По собственным показаниям С. Муравьева-Апостола, он вместе с другими офицерами «был захвачен самими солдатами» и приведен к правительственному отряду{82}. Показание это после некоторых колебаний подтвердил и Бестужев-Рюмин.

Мятежники были разбиты, но шок, вызванный восстанием у местных жителей, прошел не скоро. По Васильковскому уезду стали распространяться слухи о грядущих погромах. Слухи эти радостно поддерживали те, кого воодушевили «подвиги» черниговских солдат. «Мещанин Василий Птовиченко, будучи пьяным, говорил, что будут выпускать из тюрем арестантов и < ... > будем резать шляхту, евреев и другого звания людей, и тогда, очистивши таким образом места, государь император будет короноваться"». «Шляхтич Андреевский будто бы сказал еврейке -30- Хайме, что зарежет ее; крестьянин Кондашевский заметил на это: Худая до мяса, надобно искать пожирнее ", а Роман Пахолка (крестьянин) прибавил : надобно два дня ножи точить ,а потом резать "». Крестьянин Медведенко «пьяный в шинке просил 4-х рядовых поднять восстание наподобие Черниговского полка и говорил: уже час било чертовых жидов и ляхов резать", а солдаты на это отвечали: на это нет повеления "». «Священник Григорий Левицкий <...> говорил, что во время наступаемых светлых праздников первого дня ночью, когда дочитают Христа, резать будут ляхов и жидов"»{83}.

«Такие-то и им подобные события и происшествия нагнали панический ужас на жителей: шляхту, ксендзов и евреев, которые припомнили страшную уманскую резню, что произошла в 1768 году. По этой причине много богатых панов выхлопотало себе воинскую охрану. Иные обеспечили себя ночной охраной <...> Другие, которые имели много денег, вооружили своих дворовых людей», вспоминает Руликовский {84}.

В сознании обывателей основным источником возможных погромов оставались черниговские солдаты те, которым удалось скрыться с поля боя и избежать ответственности. Неудивительно поэтому, что дивизионный командир, генерал-майор Тихановский, объезжая Васильковский уезд, в одной из деревень был встречен «толпою крестьян <...> с палками, которые полагали, что он был Черниговского полка, увидев красный воротник, бежали к нему навстречу, крича: рабуси (рабители . О К .)ерниговцы и он был вынужден повернуть назад и как наиспешайше выехать из деревни»{85}.

...На следствии младшие черниговские офицеры оказались гораздо менее стойкими,

чем даже петербургские заговорщики. В своем стремлении избежать расстрела они подчас заходили слишком далеко: перекладывали вину за собственные «возмутительные» действия на Сергея Муравьева-Апостола, пытались доказать, что пошли за ним чуть ли не под дулом пистолета, обвиняли друг друга в различных реальных и выдуманных преступлениях. Психологически их поведение понятно: они не могли надеяться в душе даже на «справедливый приговор потомства» последнее утешение многих декабристов.

«Самый успех нам был бы пагубен для нас и для России», вынужден был признать Бестужев-Рюмин{86}. Это были не пустые слова: в ходе восстания его организаторы имели достаточно времени, чтобы понять, на что они обрекали Россию в случае своей победы. Они переживали не только крушение надежд и планов, но и гибель идеи. На этом фоне всеобщего раскаяния и отчаяния резко выделяются показания Сергея Муравьева-Апостола, который, по мнению следствия, «очевидно принимал на себя все то, в чем его обвиняют другие, не желая оправдаться опровержением их показаний»{87}.

Стойкость Муравьева на следствии объяснялась, с одной стороны, его «древнеримским» характером и безусловной внутренней выдержкой (об этом много писал Н.Я. Эйдельман). Но несомненна и другая причина его стойкости: в отличие от других подследственных, он не надеялся и не стремился сохранить жизнь (исключение составляет, пожалуй, лишь единственное его покаянное письмо к царю, написанное в самом начале следствия). Офицер, возглавивший военный бунт и допустивший превращение своей команды в толпу пьяных грабителей, командир, подкупавший своих подчиненных и пытавшийся ложью повести их за собой, по любым и юридическим, и моральным законам того времени безусловно заслуживал смерти. Очень остро осознававший все это, безумно любивший младшего брата Матвей Муравьев записал в тюремном дневнике: «Единственное благо побежденных не надеяться ни на какое спасение»{88}.

Не упасть же духом перед лицом неизбежной казни лидеру восстания помогала вера. Глубокая, почти фанатичная вера, которая была чужда по-вольтерьянски настроенным младшим офицерам. Сергей Муравьев-Апостол спокойно готовился к смерти, надеясь оправдаться в тот день, когда «наш Божественный Спаситель (единственный праведный Судия, так как, испытывая сердца, судит действия по намерению) придет, окруженный славою, воздать каждому по делам его»{89}. -31-

* * *

Декабризм большая и сложная тема. Она настоятельно требует переосмысления. И, безусловно, первым шагом на этом пути должны стать не разговоры «вообще», не простая смена оценок с «хороших» на «плохие», а публикация всего комплекса материалов, подлинно научный анализ того, что уже было опубликовано, но по идеологическим причинам замалчивалось.

Задача эта трудна. Отказавшись от «эстетизированных» представлений об эпохе 20-х гг. XIX в., историк должен избежать и соблазна принять Верховный уголовный суд, вынесший суровые приговоры декабристам, за суд истории. Однако без выполнения этой задачи наши знания о декабристах заведомо обречены на неполноту.

Примечания:

- {*} Гебель говорит здесь о С.И. Муравьеве-Апостоле, «старшинство» которого определялось не возрастом, а его более высоким, чем у старшего брата, чином. Данных, бесспорно указывающих на участие Матвея Муравьева в избиении, практически нет.
- {1} Шугуров М.Ф. О бунте Черниговского полка // Русский архив. 1902. Т.2. С.284.
- {2} Соловьев В.Н. И.И. Сухинов. Один из декабристов // Русский архив. 1870. Т.IV-V. С. 908-926.
- {3} Русский архив. 1871. Т.I. С.257-288; 1902. Т.2. С.270-302.
- {4} Баллас М. С.И. Муравьев-Апостол. 1794-1826. Биографический очерк // Русская старина. 1873. №V.
- {5} См., напр.: Щеголев П.Е. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола // Щеголев П.Е. Исторические этюды. СПб., 1913. С.317-364.
- {6} Нечкина М.В. Восстание Черниговского полка // Каторга и ссылка. 1925. №8(21).
- {7} Восстание декабристов: Документы и материалы: в 18 т. (далее ВД). Т.6. М.: Л., 1929.
- {8} Первое отдельное издание «Записок» И.И. Горбачевского вышло в 1916 г., второе увидело свет в 1925 г. Авторство Горбачевского до сих пор оспаривается некоторыми учеными.
- {9} Руликовский И. Восстание Черниговского полка // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов: в 2 т. Т.2. М., 1933. С.373-427.
- {10} Порох И.В. Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С.121-185 и др. работы.
- {11} Эйдельман Н.Я. К биографии Сергея Ивановича Муравьева-Апостола // Исторические записки. Т.96. 1975; его же. Апостол Сергей. М., 1979.
- {12} Порох И. В. Указ. соч. С.174.
- {13} ВД. Т.6. С.108.
- {14} Там же.
- {15} Щеголев П.Е. Указ. соч. С.317.
- {16} Мережковский Д.С. Революция и религия // Мережковский Д.С. Павел I. Александр I. Большая Россия. М., 1989. С.659.
- {17} ВД. Т.6. С.128.
- {18} Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. С.231-238.
- {19} Вернадский Г. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. №15. С.90.
- {20} ВД. Т.6. С.129.
- {21} Там же. Т.4. С.39.
- {22} Щеголев П.Е. Указ. соч. С.357.
- {23} Русский архив. 1871. Т.I. С.287.
- {24} ВД. Т.9. С.186.
- {25} Там же. Т.6. С.134.
- {26} Там же. С.159.
- {27} Там же. Т.9. С.241.
- {28} Там же. Т.6. С.143.
- {29} Там же. С.144.
- {30} См., напр.: Рахматуллин М.А. Легенда о Константине в народных толках и слухах. 1825-1858 // Феодализм в России. М., 1987. С.298-308. Там же см. историографию вопроса.

- {31} ВД. Т.11. С.306.
- {32} Там же. Т.6. С.104. После подавления восстания 2-я гренадерская рота полка не досчиталась 43 руб. (Там же. С.202). Для сравнения: солдатское жалование составляло тогда 10 руб. асс. в год.
- {33} Там же. С.193.
- {34} Там же. Т.4. С.249.
- {35} Там же. Т.6. С.135, 147-148.
- {36} Там же. Т.4. С.245.
- {37} Там же. С.287.
- {38} Там же. Т.6. С.134.
- {39} Там же. С.157.
- {40} Там же. Т.17. С.60.
- {41} Русский архив. 1871. Т.1. С.274. -32-
- {42} ВД. Т.6. С.175.
- {43} Там же. Т.4. С.394.
- {44} Нечкина М.В. Движение декабристов: в 2 т. Т.2. М., 1955. С.153.
- {45} ВД. Т.6. С.309.
- {46} Там же. С.156-157.
- {47} Декабристские чтения: Материалы Межвузовской научно-практической конференции. Вып.3. Киев, 1990. С.107.
- {48} ВД. Т.6. С.199.
- {49} Там же. С.159.
- {50} Там же. С.158.
- {51} Руликовский И. Указ. соч. С.389.
- {52} Там же. С.402.
- {53} РГВИА, ф.36, оп.4/847, св.12, д.7, л.145об.
- {54} Руликовский И. Указ. соч. С.396.
- {55} ВД. Т.6. С.324.
- {56} Скляр Е.Я. Кто пошел за Сергеем Муравьевым-Апостолом? // Декабристские чтения: Материалы Республиканской научно-практической конференции. Вып.4. Киев, 1991. С.23-26.
- {57} РГВИА, ф.1, оп.1, д.6491а.
- {58} Базилевич В.М. Збитки від повстання 1825-26 рр. // Декабристи на Україні Вып.1. Київ, 1926. С.101- 113; Рух декабристів на Україні. Харків, 1926. С.75-78.
- {59} Базилевич В.М. Указ. соч. С.113.
- {60} РГВИА, ф.1, оп.1, д.6491а, л.15 об.
- {61} ВД. Т.6. С.15, 17, 28, 157; Руликовский И. Указ. соч. С.390.
- {62} РГВИА, ф.36, оп.4/847, св.12, д.7, л.145.
- {63} Там же, л.144-148об.
- {64} Там же, ф.1, оп.1, д.6491а, л.19; ф.36, оп.4/847, св.12, д.7, л.149 об.; Базилевич В.М. Указ. соч. С.103
- {65} Базилевич В.М. Указ. соч. С.104.
- {66} Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С.193.
- {67} Горбачевский И.И. Записки // Мемуары декабристов. М., 1988. С.259.
- {68} ВД. Т.6. С.30.

- {69} Руликовский И. Указ. соч. С.389, 393.
- {70} Там же. С. 400.
- {71} Русская старина. 1890. №XI. С.495-496.
- {72} См.: ВД. Т.6. С.97.
- {73} Горбачевский И.И. Указ. соч. С.251.
- {74} Там же. С.275.
- {75} Воспоминания генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т.ХII. Вып.1. Рязань, 1897. С.163. В.А. Докудовский являлся в 1825-1826 гг. корпусным адъютантом 3-го пехотного корпуса и принимал участие в действиях по ликвидации мятежа.
- {76} Руликовский И. Указ. соч. С.398-399.
- {77} ВД. Т.4. С.288.
- {78} Руликовский И. Указ. соч. С.399.
- {79} Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826-1857 гг. М., 1990. С.55.
- {80} ВД. Т.6. С.74, 340.
- {81} Там же. С.30.
- {82} Там же. Т.4. С.288.
- {83} Иконников В.С. Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826-27 гг. в связи с событиями того времени. СПб., 1905. С.55, 59, 61, 66.
- {84} Руликовский И. Указ. соч. С.408.
- {85} Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С.40.
- {86} ВД. Т.9. С.49.
- {87} Там же. Т.16. С.158.
- {88} Мемуары декабристов. Южное общество. С.200.
- {89} Русский архив. 1887. Т.1. С.52. -33-